

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В БОЛДИНСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала «Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Аннотация. Изучение феномена Болдинской осени в духовно-творческой эволюции А.С. Пушкина невозможно вне пристального внимания к биографическому контексту. Поэт приезжает в свое родовое имение Болдино Нижегородской губернии накануне собственной свадьбы, и его размышления о будущей жизни как женатого человека, стремление найти действенные рецепты семейного счастья во многом определяют идейно-художественное звучание произведений, написанных осенью 1830 г. В настоящей статье эксплицируются и анализируются мотивно-образные доминанты, связанные с темой семьи в болдинском творчестве А.С. Пушкина. В данном свете с опорой на существующие исследования комментируется финальная сцена романа «Евгений Онегин», освещаются развязки в «Повестях Белкина» и характеризуется роль первой пьесы в драматическом цикле «Маленькие трагедии». Указывается, что многогранную полноту «мысли семейной» в творчестве Пушкина Болдинской осени создает художественная репрезентация таких значимых понятий национальной духовной культуры, как Дом и родовая Память. Утверждается, что сосредоточенность на «мысли семейной» в болдинских произведениях обусловлена масштабной переоценкой ценностных ориентиров в духовно-творческом мировидении поэта, стоящего на пороге качественно нового этапа в жизни.

Ключевые слова: Болдинская осень, «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», семья, дом, родовая память.

Для цитирования: Пяткин С.Н. «Мысль семейная» в болдинском творчестве А.С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 29–37. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37>

Research Article

“FAMILY THOUGHT” IN PUSHKIN’S BOLDINO WORKS

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the Chair of Russian Language and Literature of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Abstract. The study of the phenomenon of the Boldin Autumn in the spiritual and creative evolution of A.S. Pushkin is impossible without close attention to the biographical context. The poet arrives at his family estate Boldino, Nizhny Novgorod Province, on the eve of his own wedding, and his reflections on his future life as a married man, his desire to find effective recipes for family happiness largely determine the ideological and artistic sound of the works written in the fall of 1830. This article explicates and analyzes the motif and image dominants associated with the theme of family in A.S. Pushkin’s works in Boldino. In this light, the final scene of the novel “Eugene Onegin” is commented on, the denouement in “The Tales of Belkin” is highlighted, and the role of the first play in the dramatic cycle “The Little Tragedies” is characterized. It is pointed out that the multifaceted fullness of “Family Thought” in Pushkin’s work of the Boldin Autumn is created by the artistic representation of such significant concepts of national spiritual culture as Home and ancestral Memory. It is argued that the focus on the “Family Thought” in Boldino works is due to a large-scale reassessment of value orientations in the spiritual and creative worldview of the poet, standing on the threshold of a qualitatively new stage in his own life.

Keywords: Boldino Autumn, “Eugene Onegin”, “The Tales of Belkin”, “The Little Tragedies”, family, home, ancestral memory.

For citation: Pyatkin S.N. “Family Thought” in Pushkin’s Boldino Works. Vestnik of Kostroma State University. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 29–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37>

31 августа 1830 г. А.С. Пушкин покидает Москву. Его путь лежит в село Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. А отправляется он в дорогу в новом для себя статусе – жениха. И эта поездка должна была завершить затянувшиеся предсвадебные хлопоты поэта. А правильнее сказать – денежные хлопоты, ставшие тяжким бременем Пушкина, который всю свою жизнь был далек от материального благополучия и который к тому же обязался, что в те времена было делом неслыханным, дать приданое за собственной невестой. Свадебный подарок отца поэта – часть родового болдинского имения, в котором, кстати сказать, сам поэт ранее никогда не бывал, – во многом позволял ему решить финансовые трудности и открыть путь к долгожданному семейному счастью. Пушкин планирует пробыть в Болдине не более двух недель: по его расчетам, этого времени должно хватить, чтобы, оформив все необходимые документы, стать владельцем имения с пятьюстами душами, которые потом следовало заложить в Опекунский совет.

Пушкин едет в Болдино в смутном и подавленном состоянии. В середине августа умер его любимый дядюшка, поэт Василий Львович Пушкин, в Москве начинается эпидемия холеры, перед самым отъездом Александр Сергеевич рассорился с будущей тещей и, раздраженный, написал своей невесте письмо, в котором возвращал данное ей слово: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, – я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать».

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь» (подлинник на фр. яз.) [Пушкин 14: 109].

Пушкин покидает Москву, не зная, жених еще он или уже нет, и не рассчитывая на то, что осень – верная пора его «литературных трудов», как и прежде, подарит ему творческое вдохновение: «Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского» [Пушкин 14: 110]. Кажется, все неминуемо складывается так, что перо поэта будет подчинено «деловой суете», воспроизводя многочисленные описи, прошения, доверенности...

Но, как хорошо известно, в нижегородской глуши Пушкину было суждено в 1830 г. прожить три осенних месяца, освещенных «ослепительно ярким

и ровным огнем вдохновенья» [Грехнев: 3] и подаривших огромную библиотеку литературных шедевров. А сам этот этап в творчестве Пушкина как национально-русское явление вошел в историю мировой культуры под названием Болдинская осень. Изучение феноменологии данного явления – удивительно короткого по времени, но чрезвычайно емкого по содержанию и могучего по силе духовной мысли поэта – одно из самых продуктивных направлений в пушкинистике. Многолетняя исследовательская практика сформировала два аксиоматичных положения, концептуально определяющих место, роль и значение Болдинской осени в творческой эволюции Пушкина. Первое актуализирует идею о том, что именно в болдинский период творчество поэта обретает «новое качество» [Фомичев: 184], для которого характерен процесс «переоценки прежних и поиски новых ориентиров» [Осповат: 26], акт, аналогичный «обряду очищения» [Беляк, Виротайнен: 73], а все произведения «отмечены жадным порывом к восстановлению духовной гармонии» [Грехнев: 5].

Думается, отчетливее всего это положение выражает императивное высказывание русского философа И.А. Ильина, полагавшего, что на рубеже 1830–1831 гг. состоялся окончательный перелом в сознании Пушкина, определивший его новые этические ориентиры и оттенивший старые: «от разочарования – к вере и молитве; от революционного бунтарства – к свободной лояльности и мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе – к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия – к культу семейного очага» [Ильин: 339].

Второе положение постулирует идею художественной системности, функциональной целостности творчества болдинской поры, что проявляется в многообразии структурно-системных отношений и содержательно-смысловых связей произведений, созданных осенью 1830 г., во взаимопроникновении и взаимообогащении замыслов и творческих решений [Гукасова; Поддубная; Пяткин 2000 и др.].

Своего рода общим знаменателем для названных положений, в объективности которых трудно усомниться, служит (воспользуемся эффектной формулой Л.Н. Толстого) «мысль семейная», что весьма отчетливо на уровне мотивно-образных доминант эксплицируется в болдинском творчестве Пушкина, где главенствующее место занимает событие *свадьбы*. Оно, генерируя в себе разноплановые художественные вариации «мысли семейной», по сути, является лейтмотивом болдинских писем поэта и находит идейно-эстетическое воплощение во многих его произведениях той поры. От необычной поэтической репрезентации фольклорно-мифологического образа в первом тексте Болдинской осени – «Бесах»: «Ведьму ль замуж выдают...», до россыпи свадебных

историй в «Повестях Белкина». От величественного и жестокого по отношению к Онегину признания Татьяны: «Я вышла замуж. Вы должны / Я вас прошу, меня оставить», до ироничного указания рассказчика в неоконченной «Истории села Горюхина» на семейный уклад жизни горюхинцев: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течении 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен...» [Пушкин 8: 136].

Многим памятно остроумное замечание Анны Ахматовой относительно финала главного пушкинского творения: «Чем кончился “Онегин”? – Тем, что Пушкин женился. Женатый Пушкин еще мог написать письмо Онегина, но продолжать роман не мог» [Ахматова: 146].

В своем комментарии Ахматова допускает фактическую неточность (поэт завершит роман 25 сентября 1830 г. будучи *женехом*), видимо, желая подчеркнуть, что в щедрую Болдинскую осень Пушкин уже мыслит, как женатый человек, настойчиво стремящийся угадать в «волнуемом море» «грядущего» благоустроительный исход собственной судьбы, верный рецепт семейного счастья [Пяткин 2021]. Такое ценностно-смысловое содержание биографического контекста последней главы «Евгения Онегина», органично сплавленного с различными литературными аллюзиями, обусловили широкий диапазон научных прочтений финальной сцены романа и в монографических работах [Турбин; Кошелев; Никишов; Викторович и др.], и отдельных статьях [Зуев; Петрова; Даренский; Пимонов и др.]. Обратимся к этой сцене и мы.

Итак, вернувшийся в большой свет из долгих странствий Онегин встречает Татьяну и, кажется, впервые в жизни по-настоящему испытывает чувство любви, которым буквально пропитано каждое слово его письма и в котором не сомневается автор романа: «Евгений / В Татьяну как дитя влюблен...» И, добиваясь встречи с ней, Онегин хочет лишь твердо для себя понять, может ли он рассчитывать на взаимность, остались ли в нынешней Татьяне, «закондательнице зал», хоть крупинки той любви, что она испытывала к нему в деревенской глуши и языком высокой поэзии высказала в своем письме?

Встреча состоялась, и она, как в зеркале, повторила свидание героев в четвертой главе. Только теперь безмолвен Онегин, слушая монолог Татьяны, который каждым словом делает все призрачней мечту Евгения о счастье. Заметим, что в болдинской редакции романа отповедь героини более резка и беспощадна:

А нынче! – что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Подите... полно – Я молчу –
Я вас и видеть не хочу! [Пушкин 6: 635].

Однако в завершении своей исповедальной речи Татьяна произносит то, что так страстно желал услышать Онегин: «Я вас люблю (к чему лукавить?)». Но с финальными словами Татьяны счастливое мгновение для Онегина резко сменяется горечью навсегда утраченной надежды:

«...Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII.

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!

[Пушкин 6: 188–189]

Образные определения, характеризующие состояние героя, весьма и весьма примечательны; в своей совокупной целостности они являются больше чем психологическим изображением внутреннего мира влюбленного Онегина, отвергнутого Татьяной. Кажется, что сравнение «как будто громом поражен» вполне самодостаточно, чтобы передать тот эффект, который произвела отповедь героини на Онегина. Он обескуражен, ошеломлен настолько, что на время лишается возможности говорить, видеть, слышать, двигаться, реагировать на что-либо. Пожалуй, всех этих представлений, инициируемых оценочным содержанием сравнения, довольно, чтобы передать крайнее потрясение Онегина, вызванное отказом Татьяны. Вместе с тем две идущие друг за другом и взаимосвязанные между собой метафоры («буря ощущений», «сердцем погружен»), включенные в состав риторического восклицания, не просто дополняют картину переживания Онегиным любовной драмы, но и в большей степени призваны передать мощнейший эмоциональный всплеск в сознании героя, в котором внезапно встречаются разнокачественные и разномысленные чувства.

Предельно насыщенная «жизнь сердца» героя контрастирует с его внешней беспомощностью, почти немощностью, объявленной сравнением «как будто громом поражен». Но этот контраст не служит свидетельством двойственности духовного мира Онегина. В данном отношении отнюдь не случайно автор романа, изображая состояние героя, подбирает тропы, основным компонентом которых являются слова-метеонимы – «гром», «буря». Тем самым подчеркивается стихийная внезапность случившегося для Онегина, полностью обесценивающая его богатый жизненный опыт. И такая реакция героя, родственная аффективной, впервые явлена в романном повествовании как нечто исключительное и становящееся значительнее реакции Онегина на роковой выстрел на дуэли. Герой, мучительно переживающий смерть Ленского, все же не теряет самообладания, контролируя – пусть и с трудом – свои чувства:

Убит!.. Сим страшным восклицаньем
 Сражен, Онегин с содроганьем
 Отходит и людей зовет [Пушкин 6: 132].

Чем же вызваны «гром» и «буря», столь удивительным образом поражающие Онегина? Отказом Татьяны? Нет. Герой, ища встречи с ней, внутренне готов к обоим возможным в данном случае ответам – и да, и нет – на свое признание, доверенное письму.

Но так и быть: я сам себе
 Противиться не в силах боле;
 Все решено: я в вашей воле
 И предаюсь моей судьбе [Пушкин 6: 181].

Да, сам по себе отказ – категоричное «нет» – может поразить Евгения, питающего надежду на взаимность, как гром. Но откуда здесь взялась «буре ощущений», полностью завладевающей сердцем героя? А она является прямым следствием не отказа Татьяны, а ее объяснением причин этого отказа.

В ценностном мире героини, замужней женщины, первостепенны долг, честь, ответственность перед своей семьей. Им в жертву приносится чувство любви к Онегину. И такой выбор Татьяны *свободен и доброволен*. Героиня «естественно, в соответствии с христианской народной моралью пришла к самоотречению, исполнению морали долга» [Петрова: 306], о чем зримо свидетельствует грамматический строй ее речи, в котором доминируют личные синтаксические конструкции с местоимением «я» в позиции грамматического и семантического субъекта: «Я вышла замуж», «Я прошу», «Я знаю», «Я вас люблю», «Я другому отдана». Поступок Татьяны показывает герою, что существуют «иные ценности, иная жизнь и иная любовь» [Непомнящий: 275], нежели те, которые единственно допускает себялюбивое сердце Онегина и которые, по его разумению, только и могут быть залогом настоящего человеческого счастья.

Жестокие слова Татьяны «Подите... полно – Я молчу – // Я вас и видеть не хочу!» Пушкин через год заменит на другие: «Как с вашим сердцем и умом // Быть чувства мелкого рабом». Такая редакция текста, с одной стороны, сглаживает эмоциональный фон отповеди героини, делая гармонично цельным ее сознание в минуты «тайного свидания» с человеком, которого любит, подчеркивая ее мудрую прозорливость в ситуации, когда решается судьба этого человека¹. С другой стороны, слова Татьяны обнажают суть духовных потенций Онегина, которому пока недоступна настоящая любовь, но только «мелкое чувство», что лишь и может герою «в обществе пренести / ... соблазнительную честь».

В своей отповеди Онегину Татьяна постоянно апеллирует к ключевым смысловым конструктам письма героя, вольно и невольно сопоставляя собственное *слово о любви* с пониманием этого чувства Евгением. Каждый уровень такого сопоставления вы-

являет кардинальные различия в мирозерцательных основах героев. И последнее признание Татьяны («Я вас люблю...») не устраняет этих различий, а парадоксальным для Онегина образом становится их заключительным, резким аккордом, порождая в сердце героя «бурю ощущений», исхода у которой в романе нет.

В сюжете романа, как убедительно показывает В. Непомнящий, художественно объективирована «внутренняя авторская жизнь: в Ленском – ее завершённое прошлое, в Онегине – прошлое продолжающееся, тяготеющее, даже тяготящее, в Татьяне – лелеемый в душевной глубине верный “идеал”» [Непомнящий: 275–276], что обретается Пушкиным в Болдине как фундаментальная нравственная основа будущей семейной жизни поэта.

Исследовательница Л. Вольперт, предлагая новое «окказиональное определение» «Евгению Онегину» – «роман о верной жене», указывает, что «литература... как бы подтверждала возможность осуществления пушкинской мечты о том, что сконструированный им виртуальный “миф” сможет реализоваться в действительности» [Вольперт: 126]. Это суждение, на наш взгляд, верно лишь отчасти. Финал романа подчеркнуто внелитературен, в нем «не срабатывают» книжно-романтические тенденции и стереотипы, характеризующие отечественную словесность начала XIX в. Примечательно, что Пушкин, как об этом свидетельствуют его современники, комментируя завершение «Онегина», демонстративно и с очевидной симпатией указывал на своеволие героини: «Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... замуж вышла...»; «А вы знаете, ведь Татьяна-то моя отказала Онегину и бросила его совсем, этого я от нее никак не ожидал» (цит по: [Вольперт: 118, 125]).

Только за насмешливым удивлением поэта стоит серьезный и высокий смысл, о котором пронизательно говорил Ф.М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» (1880), отмечая, что в «Евгении Онегине» веско и весомо отражается духовный опыт русского народа с образами «неоспоримой правды», где очевидно живое «соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею» [Достоевский: 434–435].

Подобную картину мы можем наблюдать в цикле «Повести Белкина», первом завершённом эпическом замысле, состоявшемся в Болдине [Пушкин 8: 59–124]. В сюжеты пяти повестей, проникнутых пафосом национальной духовной жизни, искусно вплетена «мысль семейная», которая с наибольшей очевидностью проявляется в развязках. Так, Сильвио, герой повести «Выстрел», на протяжении шести лет вынашивавший идею мести, так и не смог выстрелить в своего обидчика, графа Б***. Увидев и почувствовав, что «вечного любимца счастья» страшит

перед дулом пистолета не смерть, а судьба молодой жены, Сильвио отказывается от своего законного выстрела на дуэли, признавая верховенство суда совести в поединке с графом. Сама же история дуэли становится в повести семейной легендой, напоминающей о безрассудных и легкомысленных поступках, грехах молодости, что могут однажды грозно напомнить о себе и в одночасье разрушить спокойную и благополучную жизнь. Не такие ли поступки в осеннем Болдине перебирает в своей памяти Пушкин, который, как граф, «наслаждается предвкушением семейного счастья – и прислушивается, не подъезжает ли к крыльцу прошлое с пистолетами в руках» [Востриков: 67].

Герои повести «Метель», Владимир и Маша, собираясь венчаться без благословения «жестоких родителей», следуя за первым порывом души, воспитанной на иностранных романах, тем самым умаляют священное таинство брака – основу русской семейственности. И метель у Пушкина, что безжалостно рушит все планы беглецов, становится тем знаком благополучной судьбы, разгадав который можно обрести подлинное счастье. Оно-то и находит в повести Машу и Бурмина. «Непреодолимая преграда», которой каждый из этих героев живет, страдая, все больнее и больнее затягивает разрешение любовной коллизии. Обвенчанные по воле случая друг с другом и не узнавая друг друга, герои Белкина мучаются и готовы пожертвовать своей любовью ради Слова, данного перед Богом. Четыре года верности как будто никому, но на самом деле Богу и, конечно, самим себе неизмеримо выше их личного счастья. Эта верность испытана и вознаграждена.

Приглашение дочерей к семейному утреннему чаю в повести «Гробовщик» служит спасительной альтернативой для Адрияна Прохорова, пообещавшего накануне «пир горой» своим клиентам – «мертвецам православным», которые, пусть и во сне, приняли это приглашение, чтобы напомнить герою о том, что ничто не забыто на весах высшего правосудия.

Финальная сцена повести «Станционный смотритель», несмотря на острые драматические коллизии, характеризующие ее содержание, восстанавливают духовную целостность в отношении отца, Самсона Вырина, и его дочери Дуни, актуализируя метафизический смысл притчи о блудном сыне. Бегство Дуни из родного дома «осмысляется в качестве освященного», поскольку мы узнаем о счастье героини, ставшей женой и матерью, и «спасении ее души в плачепокоеании на могиле отца» [Влащенко: 114].

Последняя повесть Белкина – «Барышня-крестьянка» – исключительна в своей реальной бесконфликтности, а все представленные в произведении очаги той или иной конфликтной поляризации воспринимаются как пародирующие интенции на сюжеты преды-

душих историй. Впервые в «Повестях» личный выбор молодых людей соответствует родительской воле. И лишь затеянный Лизой–Акулиной–Бетси карнавал создает в повествовании мотивированную буколическую интригу, что по большому счету лишь оттеняет искренность чувств героев как прочной опоры семейного союза.

Каждую из повестей, как и весь белкинский цикл в целом, по особенностям нарративной структуры текста, творческому генезису и характеру сюжетосложения в жанровом отношении можно атрибутировать строкой из «Онегина»: «*преданья русского семейства*». Преданья, что изустно передается из поколения в поколение, и тем самым призванное оберегать нравственное здоровье семьи, рода, общества.

В цикле «Маленькие трагедии», что создаются Пушкиным на европейском материале после завершения «Повестей Белкина», мы видим принципиально иную картину. Изображая в драматических сценах кризис западной цивилизации, поэт в первой пьесе обнажает его истоки. В «Скупом рыцаре» сын открыто восстает против отца, а отец против сына. Они сходятся в смертельном поединке за право обладать сундуками с золотом, что для каждого из них неизмеримо ценнее не только рыцарской чести, но и – самое главное – семейных и родовых уз. «“Жестокий век” – метафора эпохи Нового времени у Пушкина разрушает традиционную семью и ведет к одиночеству в рамках семьи» [Башкеева: 23]. И все это закономерно приводит мир «Маленьких трагедий» к едва ли не апокалипсическому состоянию, запечатленному в финальной пьесе цикла – «Пире во время чумы».

В болдинском творчестве Пушкина «семья» как мотивно-образная доминанта и концепт не мыслима без таких значимых понятий отечественной духовной культуры, как Дом и родовая Память. В своей этико-художественной целостности эти понятия во многом определяют многогранную полноту «мысли семейной» у поэта и способствуют органичному воссозданию на страницах болдинской книги естественного и подлинного содержания жизни русского человека, неразрывно связанного с вековыми народными традициями. В кристально чистом виде такой ориентир в творческом мировидении Пушкина запечатлен в стихотворении «Два чувства дивно близки нам...». Оно, оставшееся незавершенным и избыточное многочисленными вариантами и вымарками, в конъектуре одного из пионеров пушкинской текстологии И. Шляпкина получило следующее прочтение:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,

Самостоянье человека, –
 Залог величия его.
 Животворящая святыня!
 Земля была без них мертва,
 Без них наш тесный мир – пустыня,
 Душа – алтарь без божества [Шляпкина: 20].

Примечательно, что в первой черновой редакции этого стихотворения, как указывает публикатор, были строки «На них основано семейство / И ты к Отечеству любовь», в которых размышления автора «о смысле жизни» оказываются возможными «только при условии любви к родине и родным» [Шляпкина: 21].

Подобное определение, характеризующее суть лирического сюжета текста, характерно и для другого произведения Пушкина, написанного осенью 1830 г., – стихотворения «Моя родословная». Более того, болдинские рукописи поэта (а на это обращает внимание И. Шляпкина) дают основание считать, что их связывает общий авторский замысел.

«Моя родословная» в исследованиях о творчестве поэта получило устойчивую репутацию «стихотворного фельетона» и «поэтического памфлета» (см. об этом, например: [Иоанниди 1999]). Безусловно острая полемическая мысль поэта во многом определяет идейно-эстетическое звучание текста и его художественную структуру. Однако не в меньшей степени в рецепции этого текста важно и авторское пояснение к нему, сделанное в письме к А.Х. Бенкендорфу 24 ноября 1831 г.: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (подлинник на фр. яз.) [Пушкин 14: 443].

Выход к «другому образу жизни и образу действий» [Беляк, Виролайнен: 95], ментальное преодоление былых увлечений «всем грандиозным, бунтующим, необычайным» [Дарский] отзываются необычайной густотой образов-воспоминаний в болдинской лирике поэта. Неслучайно большой корпус поэтических текстов устойчиво именуется в пушкинистике «прощальным циклом». В нем оживают призраки недавних и далеких лет, собирая воедино разрозненные части прошлого лирического героя и обращаясь к почти уже стершимся в его памяти сердечным тайнам [Краснов: 12–94]. И вместе с тем лирическое слово обозначает весьма ясные очертания будущей и чаемой поэтом жизни. Здесь стоит обратить внимание на то, как со временем в болдинских произведениях изменяется модальность художественной репрезентации лирическим «я» поэта идеи желанного обретения семьи и дома. В текстах, завершаемых не позднее конца октября 1830 г., такое представление имеет вполне отчетливые иронические коннотации. Вот, к примеру, фрагмент из 8-й главы «Евгения Онегина», что впоследствии станет прило-

жением к роману («Отрывки из путешествия Онегина»), где автор с доброй насмешкой сопоставляет почти состоявшееся настоящее, в котором царит размеренная жизнь простого помещика, и былые, страстные и яркие, романтические фантазии:

Теперь мила мне балалайка
 Да пьяный топот трепака
 Перед порогом кабака.
 Мой идеал теперь – хозяйка,
 Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
 Я, завернув на скотный двор...
 Тьфу! прозаические бредни,
 Фламандской школы пестрый сор!
 Таков ли был я, расцветая?
 Скажи, фонтан Бахчисарая!
 Такие ль мысли мне на ум
 Навел твой бесконечный шум,
 Когда безмолвно пред тобою
 Зарему я воображал
 Среди пышных, опустелых зал...

[Пушкин 6: 200–201].

Шутливым по своей форме является и стихотворение «Дорожные жалобы», несмотря на то, что мечта о домашнем уюте окутана тревожной атмосферой, возникающей за счет нагнетания в тексте многочисленных образов смерти, что поджидает странствующего героя.

В стихотворении со симптоматичным названием «Цыганы», написанном в конце ноября и являющемся своеобразным эпилогом Болдинской осени, элегическое прощание лирического субъекта с прошлым органично сочетается с безыскусным, умиротворенным образом будущего, полностью лишённого иронической тональности:

Завтра с первыми лучами
 Ваш исчезнет вольный след,
 Вы уйдете – но за вами
 Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
 И проказы старины
 Позабыл для сельской неги
 И домашней тишины [Пушкин 3: 264].

Здесь выбор поэта свободен, и он дан в художественном сознании текста как естественное преодоление онтологического порога в собственной судьбе, ведущее к преобразению личности автора.

В Болдине осенью 1830 г. завершается значительный и значимый этап в духовной биографии Пушкина, в котором он – в собственном поэтическом определении – был человеком Дороги («На большой мне, знать дороге / Умереть Господь судил»). Дальше

и в жизни, и в творчестве ему суждено стать человеком Дома и человеком Семьи и определить сакральные смыслы в художественной аксиологии русской литературы.

Примечания

¹ В данном случае стоит принять во внимание и наблюдение В.А. Кошелева, полагающего, что Онегин появляется в доме Татьяны «на Страстной неделе перед Пасхой». «Татьяна читает его письмо – несомненно, готовясь к исповеди и причастию», а «финальное объяснение Татьяны построено... по канонам “страстной” исповедальной проповеди, не допускающей многозначностей и недомолвок» [Кошелев: 183].

Список литературы

Источники

Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Худ. лит., 1986. 462 с.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 783 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Исследования

Башкеева В.В. От одинокого героя к герою в семье: вектор семьи в творчестве зрелого Пушкина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. № 2. С. 21–26.

Беляк Н.В., Виралайнен М.Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории: (Судьба личности – судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград: Наука, 1991. Т. 14. С. 73–96.

Викторович В.А. «Евгений Онегин»: роман читателя. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 268 с.

Влащенко В.И. Печальная повесть о горестной судьбе («Станционный смотритель» Пушкина) // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 94–114.

Вольперт Л. Роман Пушкина о верной жене (К проблеме зарождения гипотезы: «Евгений Онегин» и «Валери» Юлианы Крюденер) // CON AMORE: историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. Москва: ОГИ, 2010. С. 118–129.

Востриков А.В. Тема «исключительной дуэли» у Бестужева-Марлинского, Пушкина и Лермонтова // Русская литература. 1993. № 3. С. 66–72.

Грехнев В.А. Болдинская лирика А.С. Пушкина. 1830 г. 2-е изд. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 159 с.

Лукасова А.Г. Болдинский период в творчестве А.С. Пушкина. Москва: Просвещение, 1973. 303 с.

Даренский В.Ю. Сюжет духовной «инициации» героев в романе «Евгений Онегин» // Studia

Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 214–235. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-214-235>

Дарский Д.С. Маленькие трагедии Пушкина. Москва: Моск. худож. печ., 1915. 72 с. URL: http://az.lib.ru/d/darskij_d_s/text_1915_malenzie_tragedii_olderfo.shtml (дата обращения: 03.06.2024).

Зуев Н. Татьяна и Онегин в эпилоге романа. Опыт медленного чтения // Литература в школе. 1997. № 3. С. 38–47.

Иоанниди И.П. «Моя родословная» А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона) // Вестник Оренбургского государственного университета. 1999. № 2. С. 11–14.

Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. 527 с.

Кошелев В.А. «“Онегина” воздушная громада...». 2-е изд., перераб. и дополн. Б. Болдино-Арзамас: АГПИ, 2009. 382 с.

Краснов Г.В. Пушкин. Болдинские страницы. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. 224 с.

Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. II. Пушкин. Русская картина мира. Москва: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.

Никишов Ю.М. Даль свободного романа: Творческая история «Евгения Онегина». Тверь: Тверской гос. ун-т: Изд-во Марины Батасовой, 2013. 560 с.

Осват Л.С. «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания // Пушкин: Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995. Т. 15. С. 25–59.

Петрова Л.М. Онегин и Татьяна в финале романа А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 300–307.

Пимонов В.И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24, № 85. С. 78–83. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83>

Поддубная Р.Н. Творчество Пушкина болдинской осени 1830 года как проблемно-художественный цикл: сентябрь. Статья первая // Studia Rossika Posnaniensia. 1979. Т. XII. Р. 3–34.

Пяткин С.Н. Функциональная системность болдинского периода творчества А.С. Пушкина, осень 1830 года: дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2000. 188 с.

Пяткин С.Н. Свадебная тема в болдинском творчестве А.С. Пушкина // Болдинские чтения: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. С. 12–19.

Турбин В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Москва: Изд-во МГУ, 1996. 232 с.

Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Ленинград: Наука, 1986. 302 с.

Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг Пушкина А.С. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 367 с.

References

Bashkeeva V.V. *Ot odinokogo geroia k geroiu v sem'e: vektor sem'i v tvorchestve zrelogo Pushkina* [From lonely hero to hero in family: trend of family in Alexander Pushkin's mature period]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Buryat State University. Philology], 2020, No. 2, pp. 21-26. (In Russ.)

Beliak N.V., Virolainen M.N. «*Malen'kie tragedii*» kak kul'turnyi epos novevropeiskoi istorii: (Sud'ba lichnosti – sud'ba kul'tury) ["Little tragedies" as a cultural epic of modern European history: (The fate of the individual is the fate of culture)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, vol. 14, pp. 73-96. (In Russ.)

Darenskii V.Iu. *Siuzhet dukhovnoi «initsiatsii» geroev v romane «Evgenii Onegin»* [The Plot of Spiritual "Initiation" in Eugene Onegin]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, No. 1, pp. 214-235. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-214-235> (In Russ.)

Darskii D.S. *Malen'kie tragedii Pushkina* [Little tragedies of Pushkin]. Moscow, Mosk. khudozh. pech. Publ., 1915, 72 p. URL: http://az.lib.ru/d/darskij_d_s/text_1915_malenkie_tragedii_olderfo.shtml (access date: 03.06.2024). (In Russ.)

Fomichev S.A. *Poeziia Pushkina: Tvorcheskaiia evolutsiia* [Pushkin's Poetry: Creative Evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 302 p. (In Russ.)

Grekhnev V.A. *Boldinskaia lirika A.S. Pushkina 1830 g.* [Boldino lyrics by A.S. Pushkin, 1830], 2nd ed. Gorky, Volgo-Viat. kn. izd-vo Publ., 1980, 159 p. (In Russ.)

Gukasova A.G. *Boldinskii period v tvorchestve A.S. Pushkina* [The Boldino period in the works of A.S. Pushkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973, 303 p. (In Russ.)

Ioannidi I.P. «*Moia rodoslovnaia*» A.S. Pushkina (k vo-prosu ob istokakh stikhotvornogo fel'etona) ["My Pedigree" A.S. Pushkin (on the question of the origins of the poetic feuilleton)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 1999, No. 2, pp. 11-14. (In Russ.)

Il'in I.A. *Prorocheskoe prizvanie Pushkina* [Pushkin's prophetic calling]. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike. Konets XIX – pervaiia polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism. The end of the 19th – the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 527 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. «*Onegina*» vozdukhnaia gromada...», 2-e izd., pererab. i dop. ["Onegin" is an aeri-

al community..."], 2nd edition, revised and expanded. Boldino, Arzamas, AGPI Publ., 2009, 382 p. (In Russ.)

Krasnov G.V. *Pushkin. Boldinskie stranitsy* [Pushkin. Boldino pages]. Gorky, Volgo-Viat. kn. izd-vo Publ., 1984, 224 p. (In Russ.)

Nepomniashchii V.S. *Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh gg. T. II. Pushkin. Russkaia kartina mira* [Pushkin. Selected works from the 1960s – 1990s. T. II. Pushkin. Russian picture of the world]. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2001, 496 p. (In Russ.)

Nikishov Iu.M. *Dal' svobodnogo romana: Tvorcheskaiia istoriia «Evgeniia Onegina»* [The distance of a free novel: The creative history of the "Eugene Onegin"]. Tver', Tverskoi gos. un-t; Izd-vo Mariny Batasovoi Publ., 2013, 560 p. (In Russ.)

Ospovat L.S. «*Kamennyi gost'*» kak opyt dialogizatsii tvorcheskogo soznaniia ["The Stone Guest" as an experience of dialogization of creative consciousness]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, vol. 15, pp. 25-59. (In Russ.)

Petrova L.M. *Onegin i Tat'iana v finale romana A.S. Pushkina* [Onegin and Tatiana in the final novel]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2013, No. 4 (54), pp. 300-307. (In Russ.)

Pimonov V.I. *Chto stalos' s Oneginym? Poetika finala pushkinskogo romana* [What happened to Onegin? Poetics of ending in Pushkin's novel in verse]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences], 2022, vol. 24, No. 85, pp. 78-83. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83> (In Russ.)

Podubnaia R.N. *Tvorchestvo Pushkina boldinskoi oseni 1830 goda kak problemno-khudozhestvennyi tsikl: sentiabr'. Stat'ia pervaiia* [Pushkin's work in the Boldino autumn of 1830 as a problematic artistic cycle: September. Article one]. *Studia Rossika Posnaniensia* [Studia Rossika Posnaniensia], 1979, vol. XII, pp. 3-34. (In Russ.)

Piatkin S.N. *Funktional'naiia sistemnost' boldinskogo perioda tvorchestva A.S. Pushkina, osen' 1830 goda: dis. ... kand. filol. nauk* [Functional systematicity of the Boldino period of creativity of A.S. Pushkin, autumn 1830: dissertation of a candidate of philological sciences]. Kolomna, 2000, 188 p. (In Russ.)

Piatkin S.N. *Svadebnaia tema v boldinskom tvorchestve A.S. Pushkina* [The wedding theme in Alexander Pushkin's Boldino work]. *Boldinskie chteniia: sb. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf.* [Boldino Readings: Collection of articles based on the materials of the international scientific conference]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU Publ., 2021, pp. 12-19. (In Russ.)

Shliapkin I.A. *Iz neizdannyykh bumag Pushkina A.S.* [From the unpublished papers of Pushkin A.S.]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasiulevicha Publ., 1903, 367 p. (In Russ.)

Turbin V.N. *Poetika romana A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [The poetics of the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1996, 232 p. (In Russ.)

Viktorovich V.A. *«Evgenii Onegin». Roman chitatelia* [“Eugene Onegin”. Reader's novel]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo NNGU Publ., 2017, 268 p. (In Russ.)

Vlasechko V.I. *Pechal'naiia povest' o gorestnoi sud'be («Stantsionnyi smotritel'» Pushkina)* [A sad story about a sad fate (“The Station Warden” by Pushkin)]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 1998, No. 6, pp. 94-114. (In Russ.)

Volpert L. *Roman Pushkina o vernoii zhene (K probleme zarozhdeniia gipotezy: «Evgenii Onegin» i «Valerii Iuliany Kriudener)* [Pushkin's novel about a faithful wife (On the problem of the emergence of a hypothesis: “Eugene Onegin” and “Valerie” by Juliana Kruden-

er)]. *CON AMORE: Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolaevny Kiselevoi* [CON AMORE: Historical and philological collection in honor of Lyubov Nikolaevna Kiseleva]. Moscow, OGI Publ., 2010, pp. 118-129. (In Russ.)

Vostrikov A.V. *Tema «iskliuchitel'noi dueli» u Bestuzheva-Marlinskogo, Pushkina i Lermontova* [The theme of the “exceptional duel” in Bestuzhev-Marlinsky, Pushkin and Lermontov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 1993, No. 3, pp. 66-72. (In Russ.)

Zuev N. *Tat'iana i Onegin v epilogе romana. Opyt medlennogo chteniia* [Tatiana and Onegin in the epilogue of the novel. Slow reading experience]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 1997, No. 3, pp. 38-47. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.